

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данное издание предназначается в первую очередь для тех, кто увлечен русской фантастикой XX века и поэтому уже немало знает о ней, но не отказался бы расширить свои познания или хотя бы сравнить свое восприятие тех или иных ее образцов с восприятием других поклонников этого направления литературы.

Словарь не претендует на полноту. Когда речь идет о десятках писателей и сотнях их произведений, это становится, по сути, невозможным. Полнота в числе прочего предполагает и наличие законченных перечней сочинений всех авторов, однако, очевидно, это превратило бы словарь в нечто совсем другое, в некий библиографический указатель.

При написании статей мы обычно сосредотачивались на отдельных произведениях или отдельных идеях, которые представлялись нам наиболее значимыми (в то же время не упуская, так сказать, «общего вида» – картины творчества писателя в целом). В итоге, конечно, читателю словаря может показаться недостаточным освещение творчества одних авторов и, наоборот, чрезмерно подробным – других, которые вроде бы того не заслуживают. Повидимому, это неизбежно, поскольку невозможно прийти к единой оценке значимости писателей, их места в истории русской фантастики. Но во всяком случае, некоторая «неравномерность» этого рода не является следствием какого-то злого умысла, осознанным стремлением замолчать одних и любой ценой возвысить других. Скорее, это объясняется тем, что составитель любого такого словаря естественным образом не может одинаково хорошо знать и помнить творчество десятков писателей.

Возможно, кому-то покажется, что словарь не свободен от идеологических установок. На это можно ответить, что совершенное отсутствие идеологии в гуманитарных исследованиях – такая же фикция, как полнота охвата изучаемого предмета. Идеология проникает даже в естественные науки! А в гуманитарной области при внимательном прочтении ее всегда можно заметить. Что касается данного словаря, то нас интересовали и интересуют в фантастике прежде всего идеи человеческого и общественного развития, научные догадки и технические мечты. Полное отсутствие первого, второго и третьего в творчестве того или иного автора делает его, по нашему убеждению, слабым фантастом (хотя это ни в коем случае не означает, что он вообще слаб как писатель).

Как уже говорилось выше, пытаясь дать представление о творчестве некоторого автора, мы часто излагаем сюжет или хотя бы сюжетную завязку тех или иных его книг. Может быть, об этом и не стоило предупреждать заранее, а может быть, и стоило. Дело в том, что в последние годы распространилось плохо осознаваемое мнение, будто раскрытие сюжета произведения (книги, фильма, спектакля и т. д.) есть нечто вроде смертного греха пишущего. Как всегда, дошло до абсурда: из многих современных «рецензий» на произведения искусства о самом произведении узнать практически ничего невозможно – зато можно много узнать о чувствах и даже жизни сочинителя псевдорецензии! Но позвольте, а кому это интересно?.. Мы усматриваем в этом явный признак того, что значительная масса нынешнего человечества умственно пребывает в состоянии детства. Сам же составитель словаря уже очень много лет не берется за чтение большой (именно большой!) книги или просмотр фильма, не ознакомившись предварительно с кратким изложением их содержания: он не хочет тратить время на произведение, которое в итоге признает совершенно никчемным.

Мы также извещаем, что не можем преодолеть ощущение о вырождении научной фантастики в постсоветский период, о переходе ее в какую-то новую форму, которую мы обозначили в свое время как «паранаучная фантазматика»¹. Чисто внешнее выражение этого упадка – весьма показательное размывание самого понятия «фантастика»: в нее стали постепенно включать всякого рода мистику, магию, ужасы, современные сказки (в том числе так называемое фэнтези), мифы, легенды и т. п. Вообще, достаточно использовать в произведении хотя бы один явно фантастический сюжетный поворот или прием, чтобы его уже записали в фантастику. На сегодня это свершившийся факт. И хорошо бы, если бы такие произведения имели по крайней мере приличный стилистический, повествовательный уровень. Однако ничего подобного не наблюдается: за редчайшим исключением это серость в отношении как содержания, так и формы, серость, плавно переходящая в убожество. Бездумные приключения и бессмысленные разговоры персонажей, нелепый пафос, отсутствие самобытных и, тем более, хоть сколько-нибудь высоких идей, зато огромные объемы, что достигается за счет включения в книгу ненужных подробностей, когда сочинитель, рисуя какое-то событие, записывает буквально всё, что относительно данного события придет ему в голову – пока воображения еще хватает, наконец, безыскусное повествование на уровне школьных сочинений, – таковы основные составля-

ющие современной околофантастической литературы. Впрочем, для читателя, который не застал лучших литературных времен, подобные сетования едва ли прозвучат убедительно: привыкший к поглощению сомнительной «духовной пищи», он зачастую просто не знает, что есть что-то другое. А если и знает, то отвергает ее, потому что она для него уже слишком изысканна: чтобы видеть ценность в каком-то качестве, надо самому им в некоторой степени обладать.

На это есть, конечно, возражение: сколько можно продолжать разрабатывать традиционные для фантастики XX века темы? Рано или поздно они всё равно истощатся, причем, если учесть рост числа пишущих, это будет скорее раньше, чем позже. Данное замечание следует признать уместным и законным.

Таким образом, размывание понятия «фантастика» печально, но оно имеет глубинный смысл: собственно научно-фантастическое в постсоветский период постепенно настолько обеднело, превратилось в такой маленький, пересыхающий ручеек, что если не пополнить фантастику чем-то извне, то получится, что ее почти уже и нет. По сути, она умерла! И только за счет инородных включений создается видимость, что она всё еще существует. Происходило это медленно и незаметно – и, в общем-то, тоже без злого умысла со стороны тех, кто этим занимался: они, не отдавая себе в этом отчета, как бы «спасали» фантастику от исчезновения или же думали, что творчески переосмысливают представления о ее границах и раздвигают их. Но итогов это не меняет.

«Говорят, что она (=фантастика. – А. Д.) почти исчезла, вытесняемая фэнтези», – написал в 2016 году Евгений Войскунский в предисловии к своему последнему на сегодня (2020-й год) собранию научно-фантастических сочинений (созданы совместно с Исаем Лукодяновым). Сославшись на преклонный возраст, Войскунский заметил, что сам уже не имеет возможности тщательно следить за этим процессом и поэтому дает оценку с чужих слов. Но во всяком случае, мы видим, что, констатируя смерть фантастики, мы не одиноки: так думают многие.

По вышеизложенным причинам постсоветская псевдофантастика не заслуживает большого внимания. Или же заслуживает его лишь в качестве симптома общего упадка. Так или иначе, наш изначальный замысел был ограничиться только двадцатым веком и только значительными авторами, для которых фантастическое не было всего лишь удобным литературным приемом и для которых творчество в данной области было основным. Но не обошлось

без исключений, поскольку и однократное обращение писателя к фантастике иной раз оказывается в высшей степени плодотворным. Можно в связи с этим привести в пример Вадима Шефнера, который писал так, что не совсем понятно, видел ли он в собственно фантастическом самостоятельную ценность или же использовал его только как средство для достижения каких-то других целей, лежащих совершенно вне поля фантастики. Во всяком случае, из-под пера Шефнера выходили превосходные произведения. Единственный раз взялся за фантастику Николай Федоров, но его рассказ «Вечер в 2217 году» (1906) вообще оказался шедевром. Нечасто обращался к фантастике Андрей Ренников, однако его роман «Разденься человек!» (1917) – одно из значительнейших произведений этого жанра в XX веке. А другим показательным примером может здесь послужить Чингиз Айтматов с его «Буранным полустанком» (1980; первоначальное название – «И дольше века длится день»). Несмотря на большие фантастические, даже научно-фантастические (!), вставки, Айтматова можно вписать в историю фантастики только по принципу «На безрыбье и рак – рыба». Но в советское время в фантастике «безрыбья» все-таки не было, поэтому и Айтматов там лишний: выход писателя в данную область был краткосрочный и никакого своего слова он в ней не сказал. Хуже того – роман свой он едва ли не испортил этими невзрачными экскурсами в проблему контакта с внеземными цивилизациями. В постсоветское время, впрочем, у Айтматова вышла еще одна подобная книга – «Тавро Кассандры» (1994), которая, по-видимому, писалась в позднеперестроечные годы, поскольку имеет соответствующую окраску: для выражения некой вселенской тревоги о судьбе России и человечества, которая и есть главное содержание романа, Айтматов вторично заглянул в кладовую фантастических сюжетов.

Есть книги, в которых фантастическое присутствует в таком количестве, что отнесение их к жанру научной фантастики не вызывает ни малейших сомнений, и есть книги, в которых, как говорится, обнаруживаются лишь отдельные фантастические элементы или даже всего один такой элемент. Эти последние не принадлежат к направлению научной фантастики, как не принадлежат к нему, например, «Мертвые души» Николая Гоголя или «Война и мир» Льва Толстого, хотя большая часть событий в этих романах – плод вымысла их авторов. Здесь мы вольно или невольно выходим на своего рода парадокс всей литературы: несмотря на то, что в ней выделяется множество вроде бы самостоятельных

жанров, четкой границы между ними в большинстве случаев не существует. Нет его и между научной фантастикой и остальными направлениями. Но значит ли это, что мы должны теперь включить в фантастику и сказки Александра Пушкина? Вопрос, очевидно, риторический. Ибо если руководствоваться подобными соображениями, фантастикой придется признать вообще всю художественную литературу! Бессмысленность подобных щедрых обобщений очевидна. Поэтому, повторимся, мы решительно не можем согласиться с теми, кто пытается «обогатить» фантастику мистикой, магией, ужасами, сказками и прочими подобными вещами.

За пределами словаря по разным причинам было оставлено (возможно, просто до лучших времен) немало авторов. О творчестве одних нам, к сожалению, до сих пор не удалось составить хорошего представления. Это довольно многочисленная группа малоизвестных фантастов, письменное наследие которых невелико. В творчестве других есть отдельные черты фантастики, но, по большому счету, это литература уже иного рода, которую можно признать лишь пограничной с фантастикой, но не более того. Или же экскурс этих писателей в фантастику, как в случае с Айтматовым, был эпизодическим, причем в этой области им не удалось сказать нового слова. Не исключено, конечно, что данная оценка будет нами однажды пересмотрена.

Вероятно, в общей сложности можно назвать примерно двести авторов, внесших больший или меньший вклад в развитие русской научной фантастики в XX веке (в период 1901–1991 годов). Из них в настоящем издании дан обзор творчества семидесяти одного из них.

Примечания

¹ О трансформации фантастического жанра на рубеже XX и XXI веков мы подробнее писали, например, здесь:

а) Долгих А. Ю. *Утопия и антиутопия. Пути развития русской научной фантастики в XX веке*. – Киров: ООО «Издательство Радуга-Пресс», 2018. – 192 с.;

б) Долгих А. Ю. *От научной фантастики к паранаучной фантазматике? // Вестник Вятского государственного университета*. – 2018, № 3. – С. 21–26.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ФАНТАСТИКИ

Только светские эпохи порождают фантастику, в религиозные времена на свет появляются одни лишь мифы. В самом широком смысле миф – это сказка, в которую верят (а сказка – миф, в который верить уже перестали). Религиозное мировосприятие обращено в прошлое: именно оно для него является главной ценностью. Поэтому мифы за редким исключением (мифы о конце света) суть священная история. Фантастика же устремлена в будущее. И даже если она «оглядывается» на прошлое, то тоже из будущего.

Поэтому возникновение фантастики, тем более научной фантастики, в религиозном обществе, в религиозные эпохи маловероятно. Но обстоятельства таковы, что более или менее нерелигиозных эпох до сих пор было мало. Связано это, по-видимому, с природой человека, с его непреодолимым желанием иметь высших покровителей, утешителей и надзирателей. Собственно говоря, таких эпох было две – с III века до н. э. по II век н. э. и XVII–XX века. Первая из них часто называется «эллинизм» (или александрийская эпоха), вторая – «просвещение». На последнее столетие каждого из этих двух исторических периодов приходится наибольший подъем атеистического сциентистского движения, после которого происходит внезапный «срыв в пропасть». Это напоминает развитие оледенений на Земле: в течение миллионов лет ледники медленно нарастают и после короткого пика общемирового похолодания сходят на нет за считанные тысячелетия.

Фантастики в чисто современном смысле этого слова в эллинистическое время, конечно, не было – уже хотя бы потому, что вся художественная литература в целом тогда была совсем другой. Нынешний читатель при первом знакомстве с ней с непривычки откажется признать ее таковой. И по большому счету, будет прав: не нужно чрезмерно расширительно толковать никакие понятия – выше мы уже говорили, к чему это приводит.

Однако, анализируя фантастику XX века, достаточно легко заметить, что ее «место», если это можно так назвать, – на стыке, на границе известного и неизвестного. Эта граница до сих пор раздвигалась. Ее можно сравнить с окружностью на плоскости или на очень большой сфере, радиус которой (имеется в виду – окружности) непрерывно увеличивается. Это означает не что иное, как рост числа научных проблем, подлежащих исследованию.

Границы освоенного расходятся в пространственном и временном отношении, а также в отношении возможностей. Легче всего это пояснить на примере именно пространства. Так, мир древнего египтянина, эллина или римлянина был ограничен тремя частями света – Европой, Азией и Ливией (Африкой), которые со всех сторон окружал Океан. При этом крайние оконечности этих участков суши были известны даже весьма поздним по сравнению с египтянами эллинам и римлянам уже очень и очень плохо. Надежно было установлено, что земля – шарообразна (с IV века до н. э.), а чисто теоретически предполагалось, что всё мироздание в целом конечно по объему и невелико. Его границей считалась сфера неподвижных звезд, которая вращается где-то недалеко за последней планетной сферой – сферой Крона (Сатурна). Только в XVI веке в голове итальянца Джордано Бруно родилась идея бесконечного однородного пространства, в котором Солнце и планеты находятся неизвестно где – и не в центре и не с краю, поскольку в бесконечности края нет, а любая точка вполне может считаться центром, так что это понятие утрачивает смысл. Однако понадобились столетия, чтобы предположение далекого от астрономии Бруно нашло отклик в умах уже настоящих астрономов и физиков. Еще в начале XX века мир образованного европейца ограничивался почти исключительно Солнечной системой. Вот писатели-фантасты и отправляли своих героев обычно не далее, чем на Луну, Венеру и Марс, – потому что даже за орбитой Марса простиралась уже такая неизвестность, в которой творческому воображению, стремящемуся, однако, не входить в противоречие с наукой, было просто не на что опереться. Только в 20-е годы XX века выяснилось, что мы живем в огромной звездной системе – ее называли Галактика (с большой буквы) – и что таких галактик много. На протяжении почти всего XX века (с 1931-го по 1992-й) полагали, что граница Солнечной системы очерчена орбитой Плутона (6 млрд. километров от Солнца, или 40 астрономических единиц). Но открытие второго пояса астероидов за орбитой Нептуна (пояс Койпера) и уверенность астрономов в существовании поясов кометных ядер (облако Оорта) потребовали «увеличения» радиуса системы до 100–150 тысяч астрономических единиц. Только в 1990-е начали обнаруживать первые планеты у других звезд, в которых уже некоторое время очень и очень нуждались фантасты, потому что Солнечная система была ими в общем и целом «освоена» к началу 60-х годов XX века. Они «одомашнили» ее, «заселили», и она им наскучила. Надо было двигаться дальше!..

Так вот, если вернуться к эллинизму, «научная фантастика» этой эпохи была представлена в основном фантастическими географическими рассказами, написанными в виде воспоминаний мореплавателями, путешественниками или просто выдумщиками, которым якобы посчастливилось доплыть или дойти до «края света». Одним из древнейших и знаменитейших в свое время рассказчиков такого рода был некий Пифей из Массалии (нынешний Марсель), современник Александра, царя Македонии. К отчетам о подлинных наблюдениях в северных морях (полярные дни и ночи, замерзший океан) он примешал огромное количество небылиц. Были потом и другие – Ктесий (писал об Индии), Ямбул (писал о морских странствиях), Антоний Диоген и, вероятно, еще какие-то личности, имена которых затерялись в веках. Выжимки из «воспоминаний» такого рода встречаются в сохранившихся древних трактатах и вольных заметках по географии и космографии (Страбон, Гай Плиний Секунд Старший, Гай Юлий Солин).

Но во II веке появился автор, которому в отличие от всех вышеупомянутых повезло – повезло в том смысле, что его произведения дошли до наших дней. Это позволяет оценить и прочувствовать степень его близости к научной фантастике. Речь идет о знаменитом Лукиане из Самосаты, которого уже давно вписывают в историю фантастической литературы. По происхождению он был, вероятно, сириец, но в совершенстве владел эллинским языком, который тогда в Средиземноморье был международным. На нем он и писал. Есть сведения, что словарный запас Лукиана – около 10 400 слов, что превосходит, например, показатели истинного эллина Платона (9 900 слов).

II век – время последнего расцвета Римского государства, охватывавшего тогда всю Южную Европу (в том числе Элладу), Северную Африку и Западную Азию. Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий, правившие один за другим без перерыва – в общей сложности с 98-го по 161-й год, – были лучшими императорами, которых знал Рим. Ни до, ни после этого подобных уже не было.

В связи с этим невольно вспоминается «[Похвала] Риму» Публия Элия Аристида Феодора (117–180 гг. н. э.). Речь была написана и прочитана в середине II века. Других таких восхвалений не какого-то несуществующего золотого века в прошлом или будущем, а наличной действительности еще придется поискать! Аристид рисует самую настоящую утопию, которая не была и не будет, а есть прямо сейчас. Вот отдельные отрывки. Обращаясь к

римлянам, оратор говорит: «До вашего владычества в мире царил беспорядок, и все вершилось без разума, но когда над миром встали вы, то раздоры и распри прекратились, во всем утвердился строй, и яркий свет просиял над жизнью частной и общественной: появились законы, и человеческая вера устремилась к алтарям богов. <...> Всякое иное соперничество среди городов прекратилось, и все они соревнуются только в одном: чтобы каждый из них явился самым прекрасным и приветливым. Все они изобилуют гимнасиями, водоемами, пропилеями, храмами, мастерскими, училищами. <...> Города сияют блеском и красотой, весь мир красуется, словно сад. <...> Подобно неугасаемому священному огню, праздники никогда не прекращаются. <...> Только те, кто живет не под вашей властью, – если такие еще есть, – вправе сожалеть о благах, которых они лишены. <...> Ныне как самой земле, так и ее населению дарована общая и явная безопасность от всяких бедствий. <...> Люди избавлены от всех зол и имеют все, чтобы хорошо жить. <...> Если бы Гесиод был столь же совершенным поэтом и пророком, как Гомер <...> он сказал бы, что железное поколение исчезнет с лица земли, а Правда и Стыд вернутся к людям тогда, когда настанет ваша власть и держава, и жалел бы о тех, кто родился до вас». Держава же эта, подводит итог Аристид, будет жить вечно!..

Такого рода славословиями ближе к концу речи у Аристида заполнены целые страницы! Не забывает он похвалить и тогдашнего великого правителя Рима, правда почему-то избегая называть его по имени. Судя по времени выступления оратора (50-е годы II века), подразумевается Антонин Пий. Конечно, многое в произведении – умышленные преувеличения, сделанные в соответствии с требованиями жанра хвалебной речи, хотя чувствуется, что искренней веры автора здесь тоже хватает. Но опираемся мы тут в своих оценках отнюдь не на одного Аристида. По большому счету, не из его речей известно о процветании Римского государства времен Траяна – Марка Аврелия: вся совокупность сохранившихся источников той эпохи подтверждает это.

В наши дни духовная обстановка II века нередко характеризуется такими словосочетаниями, как «вторая софистика» и «религиозный синкретизм». Если не вдаваться в подробности и тонкости, ни то, ни другое понятие не является каким-то особо положительным. Первое явно указывает на невысокую степень самобытности мысли данного столетия и на ее уклон в подражательство, в чисто языковые, но малосодержательные красоты (только что упо-

мянутый Элий Аристид, а также Герод Аттик, Дион Хрисостом, Элиан, Флавий Филострат, Апулей, Марк Корнелий Фронтон и др.). Однако невозможно не заметить подъема всего философского движения: перипатетическую школу тогда достойно представили Аспасий, Адраст и Александр Афродисийский; киническую – Дион из Прусы, Максим из Тира, Эномай из Гадар, Агатобул, Демонакт с Кипра, Перегрин из Пария, тот же Лукиан; скептическую – Агрипп и Секст; платоновское направление – Плутарх и Нумений, стоическое – Эпиктет (близок к киникам), Флавий Арриан и сам император Марк Аврелий. Последний в 176 году учредил в Афинах четыре платных кафедры философии – академической, перипатетической, стоической и эпикурейской. До этого из числа образовательных и научных учреждений государственной поддержкой пользовался только Мусей в Александрии. Наконец, один из крупнейших математиков (и перипатетиков) древности Клавдий Птолемей и один из крупнейших медиков Гален тоже жили во II веке.

Второе понятие («синкретизм»), по нашей оценке, опять не слишком удачно. Лучше было бы назвать это «религиозным плюрализмом». Дело в том, что римляне, присоединяя к империи новые народы, не трогали их исконных религий, не требовали от кого бы то ни было отречения от древних богов, – под запрет попадали только религиозные новшества. В итоге Римское государство оказалось переполненным всевозможными видами богопочитания, которые быстро начали смешиваться и проникать друг в друга. Средний человек в такой обстановке ни во что особенно не верил – но не потому, что был нерелигиозным, а потому, что не мог сделать выбора: глаза разбегались. Некоторые действительно хотели взять сразу всё – они и были носителями упомянутого религиозного синкретизма. Правда, пытаясь выказать почтение всем богам, они по-настоящему не почитали ни одного. Причем так дело обстояло даже в нарождающемся христианском сообществе. Паства из простого народа еще как-то удерживалась на узкой дорожке слегка видоизмененного и слегка эллинизированного иудаизма, но великие вожди христианства, вроде Валентина, Василида и Карпократа, были слишком образованными, чтобы ограничивать себя столь тесными рамками, и во что только не верили. Неудивительно, что потом государственная церковь задним числом объявила их всех еретиками. Это произошло уже в IV–V веках, когда от бывшего религиозного многообразия не осталось почти ничего.

Что касается Лукиана, то он был прежде всего киником – если и не по принадлежности к школе в Киносарге, основанной Антисфеном, то по складу ума: он без конца высмеивал всех философов, какие только попадались ему на язык. Но применительно к рассматриваемому здесь вопросу интерес представляют два его произведения. Это «Икароменипп, или Заоблачный полет» и «Правдивая история». Первое написано в форме диалога: некий Менипп рассказывает другу о своих путешествиях вне земли. А совершает он их с помощью крыльев орла и коршуна, которые надежно прикрепляет к своим рукам. Средство, как видим, не новое: Дедал и Икар тоже «путешествовали» на птичьих крыльях. Полетав над Элладой и окрестностями, он устремляется на Луну, где встречается с призраком философа Эмпедокла, который попал сюда после смерти. С Луны Менипп взирает на человеческие безобразия и сокрушается по этому поводу. Затем он поднимается еще выше – к небу. Там он попадает на совет богов, где председательствует сам Зевс. Боги, как обычно, разбирают земные дела и выносят по ним свои решения. Они несколько обеспокоены прибытием человека, поскольку совсем не хотят, чтобы к ним по проторенной дороге нагрянула потом целая толпа смертных. Поэтому Зевс повелевает отобрать у Мениппа крылья. Гермес спускает его на землю, и наш путешественник отправляется в Стою (школа Зенона Китийского), дабы рассказать философам о своих приключениях и наблюдениях.

Более фантастичен рассказ «Правдивая история». В начале его Лукиан предупреждает: всё, что изложено далее, – чистейший вымысел. Говоря современным языком, он признается, что пишет фантастику. Затем начинает повествование о своем мореплавании по Атлантическому океану. На корабле их было около пятидесяти человек. Их почти восемьдесят дней носил по океану ветер, а когда воздушная стихия успокоилась, они пристали к острову, на котором на медном столбе прочитали надпись, извещающую о том, что досюда добирались Геракл и Дионис. Затем им повстречались первые странные существа: выраставшие из земли древесные стволы уже на небольшой высоте плавно переходили в тела женщин, увешанных гроздьями винограда. «Женщины» выразили страстное желание сойтись с моряками, некоторые из тех клюнули на это и... навсегда приросли к своим избранницам. Остальные путешественники вернулись на корабль и продолжили плавание. Разразившаяся внезапно сильнейшая буря подняла корабль на три тысячи стадиев (примерно 500–550 километров) и забросила неизвестно

куда – на какую-то землю. Появившиеся воины, сидящие верхом на трехголовых коршунах – каждый размером с корабль, задерживают путешественников и препровождают к своему повелителю. И тут люди оказываются втянутыми в самые настоящие звездные войны. Попали они, как быстро выясняется, на Луну. Царь Луны Эндимион и царь Солнца Фаэтон уже давно находятся в состоянии вражды и вот-вот начнут военные действия. Эндимиону помогают союзники с Большой Медведицы, а Фаэтону – Стрелец из Зодиака и обитатели Сириуса. И каких только существ не было в их многомиллионных войсках – капустнокрылы, гигантские пауки, плетущие сети между планетами, гигантские комары, муравьекони, воздухопльсы, стеблегрибы, облакокентавры, – все невообразимо огромные и страшные. Битва была жесточайшая: кровь струилась по облакам и стекала даже на Землю. Сначала успех как будто сопутствовал Эндимиону, но в итоге он проиграл и был принужден к заключению мирного договора. Затем на некоторое время на планетах воцарилось спокойствие. Земляне тогда получили возможность ознакомиться с повседневной лунной жизнью. Здесь их ждали новые открытия. Оказалось, что здесь нет мужчин и женщин как таковых: до двадцати пяти лет лунный житель – женщина, а потом – мужчина. Детей вынашивают не в животе, а в особых икроножных сумках. Возможно также размножение путем почкования, когда отрезанную часть лунянина сажают в почву, а из плодов выросшего дерева вылупляются потом новые люди. Живот у обитателей Луны открывается и закрывается, и они используют его в качестве кармана, куда можно складывать вещи. Старея, они не умирают, а просто испаряются. Затем путешественники с Земли побывали на Утренней Звезде (Венера), в Зодиаке, в каком-то Светограде, населенном светильниками, между Гиадами и Плеядами, после чего смягчающийся ветер позволил им опуститься на воды обычного земного моря. Люди были несказанно рады возвращению на родное небесное тело. Но это был отнюдь не конец злоключений. Появившийся вблизи поистине чудовищный кит длиной полторы тысячи стадиев (250 километров или около того) проглотил корабль. Внутри кита были целые города, населенные как людьми, так и не вполне человекообразными существами. Были там какие-то жукоголовые, тунцеголовые, ракурокие, камбалонogie, крабовидные и прочие народы. Взаимоотношения между ними складывались не всегда хорошо – дело доходило до вооруженных столкновений. Пробыв внутри кита около двух лет, наши незадачливые путешественники наконец придумали, как из него выбрать-

ся. Они подожгли леса, росшие в китовой утробе, чудовищу стало плохо, оно начало широко разевать пасть, и, воспользовавшись этим, люди покинули вечную темницу. Потом они попали в северные моря, где внезапное резкое похолодание на некоторое время сковало море вокруг корабля; потом было море из молока, сырный остров, острова из пробки, цветущий и благоухающий Остров Блаженных, на котором вечная весна и вечный рассвет и на котором правит Радамант. Он вершит суд над умершими – бесплотными призраками некогда живых людей. Души там обитают в городе из золота, изумруда, берилла и коричневого дерева, а возведены строения на основаниях из слоновой кости. Вокруг города течет река из мирры, имеются также источники радости и смеха. Путешественники встретили на острове многих знаменитых людей прошлого; было там и некоторое число философов, но далеко не все (здесь Лукиан, как обычно, не смог удержаться от ехидства по поводу академиков и стоиков). Наибольшим почетом пользовались Ахилл и Тесей. Нравы тут были очень свободные: мужчины и женщины предавались любовным наслаждениям совершенно открыто, все со всеми, и никто этого не осуждал. Как совершенно естественные Лукиан упоминает и любовные связи зрелых мужчин с несовершеннолетними юношами (заметим, что стыдливость Лукиана по нынешним меркам находится на очень низком уровне: с прямолинейностью и какой-то святой простотой он говорит такие вещи, которые мы здесь не осмелимся пересказать). Райская жизнь острова, впрочем, была нарушена: пришла весть о том, что войной на него идут преступники из страны нечестивых. Но войско блаженных под предводительством Ахилла одержало верх. Затем путешественников все-таки попросили удалиться и те нехотя исполнили приказание. Они проплыли тогда мимо нескольких островов, от которых шел запах горячей серы, смолы и поджариваемых людей – здесь мучились преступники. На один островок они даже ненадолго высадились. Следующей была Страна Сновидений – оттуда по всему миру расходились сны. На острове Огигии Лукиан передал Калипсо письмо от Одиссея. Пережив нападения со стороны разбойников, плававших на кораблях, сделанных из огромных тыкв, и разбойников на дельфинах, путешественники наткнулись в море на гнездо гигантской самки зимородка, которая, размахивая крыльями, создавала такой ветер, что корабль едва не перевернулся. После этого они наблюдали чудо: древесина, из которой был сделан корабль, словно ожила – из нее начали расти ветки, листья, плоды и даже перья. Одновременно у кормче-

го, который был лысым, отрасли волосы. Затем они подплыли к необъятному и очень густому лесу, росшему прямо на воде. Пришлось перетаскивать корабль по кронам деревьев. Затем на их пути попались расступившиеся воды – и они чуть не свалились в пропасть глубиной по меньшей мере в тысячу стадиев (200 километров). Но от одной стороны водного ущелья к другой тянулся водяной мост, по которому они и переправились. Их встретило спокойное море и очередной остров, на котором жили люди с бычьими головами – как у Минотавра. Потом была еще встреча с людьми-кораблями и ослоногими женщинами-людоедками, способными превращаться в воду. Женщины их чуть не съели. Покинув это страшное место, Лукиан и его спутники довольно быстро доплыли до континента, как им и предсказал некогда Радамант. Корабль их разбился о скалы, и на этом путешествие по морю завершилось...

Многие из этих сюжетов, вероятно, знакомы современному читателю по «Приключениям барона Мюнхгаузена». Рудольф Эрих Распэ, или кто там был их подлинным автором, прямо списал всё это у более одаренного древнего писателя.

Если бы изложить злоключения Лукиана современным литературным языком, поменять морской корабль на космический, а острова на планеты, получился бы самый настоящий сатирический фантастический роман. Впрочем, по сути, нечто в этом роде, насколько можно судить, в XX веке и появилось – это «Звездные дневники Ийона Тихого» Станислава Лема (Польша).

Тем, кто заинтересовался древней литературой, не лишенной некоторого уклона в фантастику, мы советуем также присмотреться к «Метаморфозам» Апулея (тоже II век). Этот большой роман по стилю и красочности уже гораздо ближе к современности, нежели короткие и суховатые в своей фактографичности рассказы Лукиана.

Прошло почти полторы тысячи лет, и в эпоху Просвещения фантастика возродилась в виде утопии. Сначала была книга британского государственного деятеля Томаса Мора, которая и положила начало этому литературному жанру: «Золотая книга, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» увидела свет еще в 1516 году. Потом наступил длительный перерыв, а со следующего столетия утопическое движение набрало силу: «Город Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы, «Новая Атлантида» (1627) Френсиса Бэкона, «Иной свет» (1657, 1662) Савиньена Сирано де Бержерака и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru